

ДВЕ МОНОГРАФИИ

Критическая монография о драматурге — большая трибуна для критика. Тут есть где развернуться творческой мысли. От такой монографии ждешь и полноты анализа, и интересных эстетических наблюдений, и глубоких обобщений, обогащающих теорию советской драмы. Книга М. Пархоменко «Александр Корнейчук», вышедшая в издательстве «Советский писатель», к сожалению, этих ожиданий не оправдывает; ее автор понял свою задачу довольно ограниченно: систематизировать ранее сказанное критикой о драматурге Корнейчуке. Но такая систематизация хороша, когда она служит отправной точкой движения вперед; понятая же как повторение пройденного, она становится бесплодной.

В книге М. Пархоменко нет недостатка в очень категорических словах о значении конфликта вообще и о конфликтах в пьесах Корнейчука в частности. Но в методе анализа пьес критик непоследователен, и рядом с верными определениями и замечаниями о конфликте у него соседствуют другие, если и не отрицающие конфликт открыто, то фактически умаляющие его роль в драматургии. Разбирая пьесы А. Корнейчука, М. Пархоменко, как правило, подчеркивает не остроту положенных в их основу конфликтов, а то, что конфликты-то эти не такие уж острые.

М. Пархоменко специально оговаривает, например, что заблуждения героев комедий Корнейчука носят «частный, временный характер», что Кругляк из «Макара Дубравы» является «временным противником новаторов и новаторства», что «противостоящие друг другу силы» в комедии «В степях Украины» «не враждебны». Автор старается заранее обелить тех, с кем воюют положительные герои Корнейчука, предупреждая, что они всего лишь носители частных и временных ошибок. Из того факта, что Чеснок и Галушка, Макар Дубрава и Павел Кругляк не противостоят друг другу в антагонистическом конфликте, М. Пархоменко делает неверный вывод об ослаблении борьбы между ними. А между тем у самого-то Корнейчука как раз показано, что идеи и общественные явления, олицетворяемые этими героями, глубоко враждебны друг другу и между их носителями неизбежна жестокая, непримиримая борьба. Безопасными Галушка, Кругляк и им подобные станут только тогда, когда они будут сбиты с ложных позиций, станут другими. Но если борьба против них будет нерешительной, снисходительной, если их заранее будут всепрощающе обелять, как это делает критик, заблуждения их будут приобретать все более опасный характер...

Под влиянием все той же «теории» бесконфликтности М. Пархоменко отказывается в типичности отрицательным героям, выведенным Корнейчуком, всячески затушевывает силу и распространенность заключенного в них зла.

«Бочкарева, — пишет Пархоменко, — выступает как явное исключение в нашей действительности. В драматургии Александра Корнейчука она — родоначальница целой галереи комедийно-сатирических образов. Обычно эти образы драматург выводит для того, чтобы по контрасту еще более выпукло выступали лучшие черты положительных характеров и типов».

Не ясно ли, что подобной трактовкой образа критик создает неверное, искаженное представление о драматургии Корнейчука, принижает ее боевую критическую силу. Ведь по М. Пархоменко выходит, что А. Корнейчук воюет не против реального зла, имеющегося в жизни, а против каких-то редкостных ископаемых, создает в своих пьесах не обобщенные типические образы, а выводит уникальные фигуры — и то больше не для разоблачения их, а «для контраста».

Но, может быть, критик просто оговорился, неточно выразил свою мысль? Нет, он и в других случаях настаивает на том, что отрицательные герои — это «исключения».

Вот что он пишет, например, об отрицательных чертах Аркадия из той же «Платона Кречета»: «Они выступают как уродливое и становящееся исключительным, чему и противостоит в пьесе прекрасное и вместе с тем типическое». Эту же мысль М. Пархоменко повторяет и в главе, посвященной «Калиновой роще».

Таким образом, типическим М. Пархоменко считает только прекрасное, а все уродливое, отрицательное он произвольно объявляет исключением. Из этих неверных положений, служивших сторонникам бесконфликтности «теоретической основой» лакировки действительности, ухода от правды жизни, критик делает вывод о том, что в современной комедии меняется соотношение юмора и сатиры, и уже не сатира, а юмор выступает как «основной тон» освещения «отдельных недостатков повседневной жизни».

Книга М. Пархоменко вышла в свет уже после опубликования «Правдой» редакционной статьи «Преодолеть отставание драматургии». Однако и автор, и редактор книги, и ее издатели не сделали из статьи нужных выводов. В книге так и осталось кричащее противоречие между признанием роли и значения конфликта и теми зигзагами в сторону ложной «теории» бесконфликтности, о которых мы писали выше.

Есть в книге М. Пархоменко и другие серьезные недостатки.

Автор не поставил в центр внимания вопросы мастерства, не обобщил художественного опыта талантливого драматурга. Все, что есть в книге положительного, верного, — а было бы несправедливым не отметить, что в ней немало страниц и глав, правильно оценивающих произведения Корнейчука, — в основном связано с разбором содержания анализируемых пьес. Там же, где заходит речь о художественных особенностях этих пьес, М. Пархоменко начинает изъясняться скороговоркой, отделиваясь в большинстве случаев лишь самыми общими формулировками и определениями, настолько общими, что в их потоке исче-

зает индивидуальный облик драматурга — художника очень своеобразного и яркого, со своим ясно выраженным творческим почерком.

Книга Е. Горбуновой «Драматургия А. Корнейчука» выгодно отличается от книги М. Пархоменко большей полнотой и большим анализом произведений драматурга. Не ограничиваясь рассмотрением явлений «внутрилитературного ряда», Е. Горбунова в лучших главах своей книги привлекает при разборе пьес А. Корнейчука широкий жизненный материал, и у читателя возникает достаточно ясное и цельное представление о том, что же породило замысел драматурга и определило формы его художественного воплощения. В главе о «Платоне Кречете», одной из лучших в книге, Е. Горбунова на широком историческом материале показывает, как формировалась и росла новая советская интеллигенция, выдвигавшая из своей среды передовых деятелей типа Платона Кречета, как пути развития интеллигенции отражались советской литературой; на этом фоне создание «Платона Кречета» выглядит закономерным порождением советской жизни и отражающей ее литературы.

Достоинством Е. Горбуновой является и то, что на анализе пьес А. Корнейчука, поднимаясь от разбора их конкретных особенностей к теоретическим обобщениям, она стремится поставить и решить некоторые важные проблемы истории советской драматургии и теории драмы.

В главе о «Богдане Хмельницком» Е. Горбунова делает интересные попытки разобраться в том, какие требования предъявляет эстетика социалистического реализма к исторической драме. Она убедительно показывает, как А. Корнейчук, следуя указаниям партии, боролся за правду в изображении прошлого, в трактовке личности Богдана Хмельницкого, идя наперекор устоявшимся в исторической науке заблуждениям и ошибкам.

Интересны страницы книги, посвященные пьесе «Фронт». Содержательный анализ жизненных фактов и обстоятельств, обусловивших остроту борьбы против горловщины, с органической логичностью переходит в разбор «системы образов» пьесы. Е. Горбунова характеризует многообразие художественных средств, которыми Корнейчук решает огромной важности задачу, лежащую в основе идейного замысла пьесы. Она указывает, в частности, что, изображая горловщину, драматург прибегает к ступени красок, недостатку людей из окружения Горлова «сатирически заострены, полемически подчеркнуты», но «заострение недостатков, граничащее порой с гротеском, не воспринимается в пьесе, как антиреалистический прием», — являясь одним из средств художественного познания уродливых сторон действительности, оно помогает изобличению горловщины.

Но книга Е. Горбуновой неравноценна во всех своих частях. Чувство неудовлетворенности оставляет «Введение» — содержащиеся в нем общие соображения ничем не обогащают книгу, не помогают глубоко понять и ощутить значение и характер творчества Корнейчука; скороговоркой заменен анализ послевоенных произведений Корнейчука; верные оценки и тонкие наблюдения соседствуют с рецензентской поверхностностью в разборе языка, композиции пьес. Есть в работе и другие недостатки, в частности в анализе художественных особенностей произведений А. Корнейчука.

В критических статьях, посвященных «Гибели эскадры», не раз писалось об этой пьесе, как об удачном опыте драматурга в жанре трагедии. Однако вопросы о трагедийном конфликте в советской драматургии, о природе и особенностях советской трагедии до сих пор критикой не разработаны. Обходит проблемы жанра «Гибели эскадры» и Е. Горбунова; она оценивает пьесу без учета своеобразия ее формы.

Невнимание Е. Горбуновой к проблеме жанра сказывается и там, где она пишет о комедиях Корнейчука. Ее определения особенностей комедии, как правило, расплывчаты и мало что нового вносят в разработку теории советской комедии.

Серьезные сомнения вызывают границы книги, установленные автором. Работа Е. Горбуновой называется «Драматургия А. Корнейчука». Название объясняет. Читатель ждет от автора не только разбора отдельных, произвольно отобранных пьес А. Корнейчука, но и глубокого анализа самого процесса развития творчества драматурга со всеми его противоречиями и сложностями. А этот сложный процесс нельзя показать, не разобрав, наряду с получившими широкое признание произведениями А. Корнейчука, и такие его пьесы, как «Партизаны в степях Украины» и «Банкир», со всеми свойственными им слабостями и недостатками. Е. Горбунова от этого разбора уходит. «В основу данной работы, — пишет она, — положены наиболее значительные пьесы, сыгравшие положительную роль в жизни советского театра». Но тогда в чем же смысл такого обзывающего названия книги? И не сказало ли в определении границ книги влияние той критики, которая предпочитает обходить в рассматриваемых явлениях искусства острые углы и сложные вопросы?

Книги о драматургах только тогда полностью оправдают свое назначение, когда каждая из них, обобщая то, что было достигнуто критикой раньше, будет вносить свое, новое в разработку вопросов истории и теории советской драмы, когда авторы будут смелее ставить и решать коренные проблемы художественного мастерства, борьбы за правду и глубину изображаемых в пьесах конфликтов и характеров. Этими качествами, к сожалению, не обладает книга М. Пархоменко. Несомненно, что и книга Е. Горбуновой, заслуживающая в целом положительной оценки, могла бы быть интереснее и глубже, если бы автор большее внимание уделил вопросам мастерства драматурга, впросам, в разработке которых особо отчетливо проявляется отставание театральной критики.

А. КАРАГАНОВ

М. Пархоменко. «Александр Корнейчук». «Советский писатель». 1952 г. Редактор З. Удонова.

Е. Горбунова. «Драматургия А. Корнейчука». «Искусство». 1952 г. Редактор В. Титова.